

**Правовой позитивизм Герберта Харта: влияние на современное
правопонимание**

Научный руководитель – Медведьева Наталья Михайловна

Хлебосолова Галина Евгеньевна

Студент (специалист)

Дальневосточный институт управления (филиал) Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Факультет государственного и муниципального управления, Кафедра государственное и муниципальное управление, Хабаровск, Россия

E-mail: mechta7515@mail.ru

Правовой позитивизм Герберта Харта: влияние на современное правопонимание.

Хлебосолова Галина Евгеньевна

Студент

Дальневосточный институт управления филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет экономики и права, Россия, город Хабаровск

E-mail: <mailto:mechta7515@mail.ru>

В современной юридической науке можно встретить множество подходов к понятию права. Сторонники правовой антропологии считают, что право создается не государством, а существует изначально, так как вытекает из естественных потребностей и природы человека. Закоренелые позитивисты называют правом закрепленную в законе возможность субъекта (например право выбрать и быть избранным) [2, с. 74].

Одним из наиболее видных представителей юридического позитивизма XX века является профессор Оксфорда Герберт Харт, который выдвинул в противовес кельзеновскому «чистому праву» свою собственную теорию правопонимания. Стоит отметить, что данный шаг и последующая научная дискуссия Харта и Кельзена оказали колоссальное влияние на развитие правовой мысли по всему миру, несмотря на то, что сейчас зачастую вклад Харта в этот процесс, возможно, недооценивается.

Мыслитель исходит из того, что право представляет собой приказ суверена или его подчиненного, которому он дает распоряжение от своего имени [3, с. 211]. Харт проводит некоторые параллели между законом и приказом. По его мнению, издание закона, как и отдача приказа, является сознательным датируемым действием. Участники законодательной деятельности для создания закона сознательно используют определенную процедуру; точно так же человек, который отдает приказания, сознательно выбирает такие выражения, которые ясно выражают его намерения и обеспечивают подчинение им.

Так, например, можно провести некоторую аллюзию с современным российским правопорядком: многонациональный народ Российской Федерации как единственный и верховный суверен, во-первых, принял Конституцию, нормы и предписания которой имеют прямое связывающее действие; во-вторых, правомочен самостоятельно выражать свою волю путём проведения референдума по принятию того или иного закона - безоговорочного «приказа» или повеления; в-третьих, учредил Парламент - Федеральное Собрание - уполномоченный представлять его суверенные интересы и именем народа принимать законы, обязательные для исполнения всеми, кто находится под российской юрисдикцией [1, ст.ст. 94, 105].

Харт выделяет первичные и вторичные правила, которые, с одной стороны, находятся в единстве между собой, а с другой - в центре правовой системы. Возможно, для понимания закона единство первичных и вторичных правил играет даже более важную роль, чем теория приказов. Так, или первичные (или базовые) правила предписывают субъекту совершать или не совершать те или иные действия, независимо от его желания (стоит отметить схожесть с *grundnorm* Кельзена). Вторичные же правила предоставляют возможность что-либо делать, устанавливать новые базовые правила, прекращать, изменять или контролировать функционирование старых. Поэтому первые суть обязанности, вторые - полномочия.

Небезынтересно проиллюстрировать данную позицию Харта на ещё не до конца забытых в России событиях 1990-х годов. Так, после фактического распада СССР с подписанием Беловежских соглашений и с наступлением конституционного кризиса 1993 года в правовой системе России наблюдались характерно выраженные признаки неопределённости законодательных предписаний и отношения к ним со стороны власти (не ясно было ни кто является сувереном, ни его уполномоченным представителем). Представляется, что в такой ситуации до выражения первого «приказа» нового суверена 12 декабря 1993 года действовали именно базовые правила.

По мнению Харта основные функции права как средства социального контроля проявляются отнюдь не в судебных тяжбах или уголовном преследовании, которые представляют собой существенные, но все же вспомогательные средства исправления ошибок функционирования системы. Они проявляются в различных способах, которыми право используется для того, чтобы контролировать, управлять и, самое главное, планировать жизнь за дверями суда.

Одним из таких способов и является приказ: он обязателен для исполнения, а значит, является одним из самых эффективных способов контроля и регулирования общественных отношений. В России самым ярким примером принудительного приказа является, очевидно, Уголовный кодекс, который позволяет осуществить максимальный государственный контроль над соблюдением и исполнением законодательства, а также призвать к ответу за его нарушение.

Харт считает, что для того, чтобы развеять «туман» в понятии права, необходимо выявить связь права и морали. В связи с этим он выделяет четыре кардинальных свойства, присущих всем моральным принципам:

- 1) *Важность* - моральное правило или образец воспринимается как нечто столь важное, что требует своей поддержки без необходимости доказывания;
- 2) *Иммунитет к сознательному изменению* - новые правила могут быть введены, а старые отменены;
- 3) Добровольный характер нарушений морали - если человеку, чьи осуждаемые действия нарушили моральные правила или принципы, удастся доказать, что он сделал это неумышленно, то он освобождается от моральной ответственности, а наказать его в этих условиях само по себе считалось бы аморальным;
- 4) Форма морального давления - как правило, она оказывается не угрозами или апелляциями к страху или заинтересованности, а напоминанием о моральном характере обдумываемого действия и требованием соблюдать нравственность.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что критерии норм морали также присущи и праву. Ведь если субъект совершит то или иное правонарушение по неосторожности, то он, по общему правилу, не несёт ответственности. При возникновении новых общественных отношений или при качественном изменении уже устоявшихся законодательство подлежит реформированию, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией Российской Федерации [1, ст. 135]. Форма морального давления также при-

суща современному российскому правопорядку: существенным отличием является лишь то, что с точки зрения морали то или иное деяние будет признаваться, например, «нарушением обещаний», а согласно нормам права оно будет признаваться правонарушением или преступлением.

В заключение необходимо отметить, что выявленное Хартом влияние морали на сущность права наиболее заметно по критерию «важности», что в принципе может служить общим выводом о значении его трудов для правовой науки. Ведь по сути не важно, какой концепции ортодоксально придерживаться - позитивистской или антропологической, главное - всеобщее признание ценности права. Правом урегулированы абсолютно все самые важные общественные отношения. Даже находясь в своём доме человек окружен правом собственности, жилищным и градостроительным правом, а, выходя на улицу, - правилами дорожного движения, экологическим, земельным правом и так далее.

Источники и литература

- 1) 1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: официальный текст // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31 – Ст. 4398
- 2) 2. Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина // М.: Статут, 2017. 384 с.
- 3) 3. Философия права: Учебник / Под ред. О.Г. Данильяна // М.: Изд-во Эксмо, 2005. 416 с.